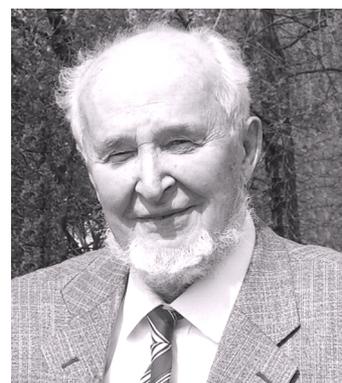




Похищение Европы. Художник В.А.Серов. 1910

УДК 316.722:82



Чельшев Е.П.

Евразия: проблемы восточно-западного синтеза в русской культурной традиции и наследии евразийцев

Чельшев Евгений Петрович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, сопредседатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель председателя Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации, член бюро Индийского философского общества, член Азиатского общества (Калькутта)

Статья посвящена проблеме осмысления культурно-философских и геополитических категорий «Восток» и «Запад» в русском обществе XIX – начала XX в. и подходам к синтезу восточной и западной культуры в наследии евразийцев. Показаны как преемственность традиций русской историко-философской мысли в определении места России в мировом сообществе, так и актуальность концепций «России-Евразии» и евразийского культурного и государственного единства в постсоветскую эпоху.

Ключевые слова: восточно-западный синтез, цивилизации, русский путь, Россия-Евразия, евразийство, западники, славянофилы, евразийская культура

Философски осмыслить то уникальное, что действительно имеется в культуре Востока, что представляет непреходящую идейно-эстетическую ценность и должно быть органически соединено с ценностями западной культуры, сумел Иоганн Готфрид Гердер. Философские статьи, его сборник «Голоса народов»

не только подготовили почву для идеи западно-восточного синтеза, но посеяли и первые семена его. И все же честь первооткрывателя как самого западно-восточного литературного синтеза, так и формулировки понятия «мировая литература» принадлежат ученику Гердера – великому Иоганну Вольфгангу Гете. Он, как и многие европейские поэты-романтики, не пренебрегал в своем творчестве внешними атрибутами восточной экзотики, но поэт «сумел творчески, во всем блеске своей поэтической индивидуальности органически соединить достижения двух культур – восточной и западной»¹. Блестящим образцом такого соединения является его «Западно-Восточный диван» (*West-Ostlicher Divan*, 1819), в котором поэт «выступает... не сторонним наблюдателем, а творческим продолжателем высших достижений восточной и, прежде всего, персидской поэтики»².

Одним из первых внимательных читателей «Западно-Восточного дивана» в России, о каком мог бы мечтать сам Гете, был В.Кюхельбекер. Друг А.Пушкина разделял его ориентальные интересы, любил Восток, хорошо его понимал. В 1824 г. он писал, что при основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фирдоуси, Гафиз, Саади, Джамии ждут русских читателей. Как тут не вспомнить об идеях евразийцев! Справедливо отмечал А.Михайлов, что почва для восприятия «Западно-Восточного дивана» в России по сравнению с Германией была более благоприятной: «На Западе поколения, пришедшие вслед за Гете, сначала забыли все оставленное им в наследие великим поэтом – все, что касалось западно-восточной поэтики – глубоких преломлений; в России же за увлеченностью первых читателей гетевского «Дивана» еще долго не наступало ничего равнозначного и равноценного...»³.

Одним из первых русских поэтов, кто перевел несколько отрывков из гетевского «Дивана», был М.Дмитриев, опубликовавший в 1820 г. в журнале «Вестник Европы» два стихотворения из «Книги Зулейки». По мнению А.Михайлова, переводчику «удалось сочетать полнейшую естественность выражения с неуловимой характеристикой гетевского тона, с той чуть приподнятой интонацией, которая порой не требует для себя каких-либо изысканных поэтических средств», он «великолепно справился со своей задачей, перед которой робели поэты последующих поколений». В 1820–1830-е годы переводами «Дивана» Гете занимались декабрист А.Бестужев-Марлинский и Ф.Тютчев. Оппозиция Запада Востоку с давних пор встречается в русской культуре. Принято было считать, что Запад открывает для России путь к знанию, к общественно-политическому и культурному прогрессу, в то время как всеми бедами наша страна обязана Востоку, якобы являющемуся воплощением «гитарщины», «жестокости», «невежества». Поэтому России с Востоком не по пути, а в интересах ее благоденствия и процветания ей следует ориентироваться на Запад, во всем копировать Европу, считая ее культуру, образ жизни европейцев высшим достижением человеческой цивилизации. Воспитанного на лучших образцах европейской культуры Пушкина, как правило, относили к «западникам». «По своему непосредственному устремлению, по своим оценкам Пушкин несомненно был «западником», в том смысле, что высоко ценил западную культуру, был убежден в ее необходимости для России и скорбел о культурной отсталости России по сравнению с Западом», – писал С.Франк. В доказательство этой мысли Франк, в частности, ссылается на ранние письма поэта, в которых, по его мнению, «есть излюбленное противопоставление (в отношении явлений русской жизни) "азиатского" начала "европейскому", как низшего высшему»⁴.

Но уже со второй половины XVII в. на Руси ставится под сомнение правомерность вышебозначенной оппозиции, предпринимаются попытки понять своеобразие русской культуры, определить особенности русского пути. Такого рода попытки в дальнейшем привели к осознанию синтетического характера русской культуры, роли Запада и Востока в ее развитии.

Постепенно Пушкин отходит от жесткого противопоставления Востока Западу, одним из первых русских писателей осознает роль Востока в развитии русской культуры. Ф.Достоевский, первым отметивший эту тенденцию в творчестве Пушкина, писал: «...В грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! ... Да, если есть один из важнейших корней, который надо бы у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более, чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века... – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утрату духовной самостоятельности нашей, и неудачной политикой нашей... И чего-чего мы не делали, чтобы Европа признала нас за своих, за европейцев... Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки... и уверяли ее, что созданы лишь, чтобы служить Европе и сделать ее счастливою»⁵.

Полемика между западниками и почвенниками в России имела место и во времена Пушкина, прошла через весь XIX век, продолжается она и по сей день. «Встречей и борьбой этих двух влияний порождены два направления в умственной жизни русского общества, два взгляда на культурное положение нашего народа, – писал В.О.Ключевский. – Развиваясь и осложняясь, меняя цвета, названия и приемы действия

¹ Брагинский И. Проблемы востоковедения. М., 1974. С. 302.

² Там же. С. 303.

³ Михайлов А. Поэзия «Западно-Восточного дивана» в русских переводах // Иоганн Вольфганг Гете. Западно-Восточный диван. М., 1988. С. 683.

⁴ Франк С. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 353, 354.

⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 27. С. 32, 33.

оба направления проходят двумя параллельными струями в нашей истории... они всего более оживляют вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной деятельностью»¹.



Приём ногайских послов
Иваном Грозным. Миниатюра
из «Лицевого летописного свода» XVI в.

На синтетичность русской культуры обращали внимание многие ее представители. В своем «Слове о Родине» (1938) писатель Б.Зайцев говорил: «Молодая страна! Молодая культура! Мы не только славяне и татары, мы наследники Византии, Родина наша была и есть гигантский котел, столетиями вываривавший из смеси племен и рас нечто *совсем свое и совсем особенное*»². Друг и единомышленник Пушкина П.Чаадаев еще в начале 1830-х годов отмечал, что задолго до образования централизованного российского государства на обширных территориях Европы и Азии формировалась многоэтническая общность населявших его народов. По его словам, «стихии азиатские и европейские переработаются в оригинальную русскую цивилизацию»³. В этой формулировке слово «переработаются», означающее, что дело идет не о соединении, не о «приплюсовывании» азиатского и европейского, но о складывающемся в ходе истории ином, «третьем» феномене, который достаточно адекватно обозначается термином «евразийство» (а не «европазиатство» – то есть Европа плюс Азия).

«Евразийство отвергает безапелляционный авторитет европейской культуры, – писал Н.Трубецкой. – А так как с понятием европейской культуры принято связывать "прогрессивность", то многим кажется, что евразийство есть течение реакционное»⁴. Определяя русскую культуру как евразийскую, русские ученые 1920-х годов, находившиеся в эмиграции, выступают как «осознаватели русского культурного своеобразия». Красной нитью

через все творчество ученых-евразийцев проходит мысль об особом положении России между Европой и Азией. По мнению Г.Вернадского, «нет двух России, «европейской» и «азиатской». Есть только одна Россия – «евразийская», или Россия-Евразия»⁵. Россия – не только мост между Востоком и Западом, «не только посредница в культурном обмене между отдельными азиатскими окраинами. Вернее, она меньше всего посредница, – утверждал П.М.Бицилли. – В ней творчески осуществляется синтез восточных и западных культур»⁶. «Их предшественниками, – писал П.Савицкий, – ...нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов). – Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции – русского философского и историософского мышления. Ближайшим образом эта традиция восходит к 30–40-м годам XIX в., когда начали свою деятельность славянофилы. В более широком смысле к этой же традиции должен быть причислен ряд произведений старорусской письменности, наиболее древние из которых относятся к концу XV и началу XVI в. ... Такие «пролагатели путей» евразийства, как Гоголь или Достоевский, но также иные славянофилы и примыкающие к ним, как Хомяков, Леонтьев и другие, – подавляют нынешних "евразийцев" масштабами исторических своих фигур»⁷. Евразийство было откликом на давний русский спор почвенников и западников, который не утихает по сей день. И это вполне объяснимо. В результате многовекового взаимодействия культур Востока и Запада на территории России создается особый синтетический тип цивилизации, вобравший в себя культурные ценности многих населявших ее народов. В годы советской власти работы евразийцев, как и все наследие российской эмиграции, оказались под запретом. Только сейчас мы начинаем осознавать, какую богатую пищу могут они дать всем тем, кто занимается исследованием вопросов русской самобытности, русского национального характера, русского пути, русской идеи, кто ищет ответ на вопросы о судьбах России и других государств, образовавшихся на месте бывшего СССР.

В наследии евразийцев есть, несомненно, немало устаревшего, что вызывает справедливую критику в развернувшихся в настоящее время дискуссиях вокруг этой проблемы. Но есть в нем и много позитивного, проливающего свет как на прошлое, так и на настоящее, а возможно, и на будущее России. «Трубецкой, Савицкий и Вернадский... Евразию... представляли прежде всего как этническую и геополитическую общность, которая образовалась в результате длительного процесса освоения цивилизационного про-

¹ Ключевский В. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. III. С. 245.

² Зайцев Б. Слово о Родине // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. 1. С. 383.

³ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М. Гершензона. М., 1913–1914. Т. 2. С. 102.

⁴ Трубецкой Н. Мы и другие. Русский узел евразийства. М., 1997. С. 103.

⁵ Вернадский Г. Начертание русской истории // Евразия. Народы. Культура. Религия. 1997. № 1–2. С. 17.

⁶ Бицилли П.М. «Восток и Запад» в истории Старого света // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 31.

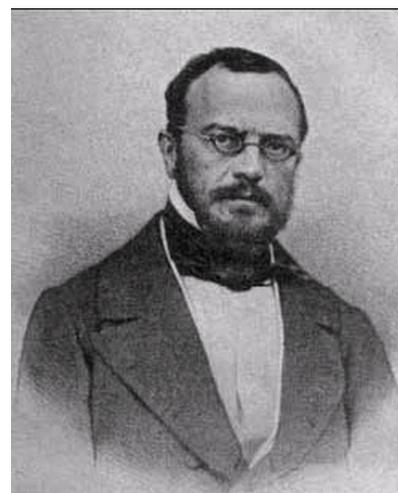
⁷ Савицкий П. Евразийство // Русская идея. В 2 тт. М., 1994. Т. 1. С. 219.

странства, этнического смешения, построения единой государственности»¹. Важным фактором экономического и культурного развития России евразийцы считали сильную государственную власть. Они оценивали «государство, как мощную цивилизационную силу, как одно из проявлений духовной сущности и творческой энергии "коллективной личности" евразийского народа... государство в представлении евразийцев "цементирует, сплавляет в единое целое все формы культурной деятельности"»².

В утверждении государственности евразийцы нередко апеллировали к Пушкину. Они отмечали, что Россия в пушкинской поэзии предстает в ореоле славы и величия. В статье о поэзии Пушкина П.М.Бицилли останавливается на «часто разбиравшемся вопросе об отношении Пушкина к Государству и к идее Нации...». «Величайший *реалист*, Пушкин, – пишет ученый, – принимал мир политического бытия, как и мир моральный и как мир физический, всецело, каким он есть, не закрывая глаз на его трагическую основу, не пытаясь ее "преодолеть" разумной ее "дедукцией", но и не вызывая ее на бой. Начало государственности, начало принуждения и организованного насилия было для него вместе с тем принципом меры и порядка. Подобно Гете, он более всего ненавидел "беспорядок"; и в его любовании государством, взятым с эстетической его стороны... не было никакой поверхностности, а напротив – высшая мудрость, мудрость художника, почуявшего, что, где мера и *ordo*, там и благо. Тем, что такого рода ценности он "просто полюбил", как полюбил державного носителя русской государственной идеи, он их и "оправдал": он возвел их для себя и для нас в ранг *эстетических ценностей*. Только те, для которых мир духовных ценностей, творимых гениями религии, искусства, философии, есть мир менее "реальный", нежели мир плотских осязаемых вещей, могут не оценить всей огромности заслуги Пушкина в деле создания русской национальной государственности. Вслед за Ломоносовым и Державиным и в бесконечно большей степени, нежели они, Пушкин продолжает Петра и Екатерину... Петр для него неотделим от "молодой России", мощного расцветающего организма, которому просто хочется жить, расти, шириться и крепнуть... Пушкин, сливши личное с "историческим" и "политическим"... сделал его *принадлежностью лирики*, – и тем самым бесконечно углубил и возвысил и национальное чувство и национальную идею... Его патриотизм и его национализм были таким же выражением его воли к жизни, – того, благодаря чему он и был величайшим поэтом...»³. «Державно-охранительная» линия, подчеркивание государственных интересов России, стремление сохранить сильную, независимую от европейских и других стран великую державу, как квинтэссенция пушкинской поэзии, подчеркивается многими российскими учеными. С.Франк утверждал: «Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина было национально-патриотическое унастроение, оформленное как *государственное сознание*»⁴.

Россия – между Европой и Азией, между Западом и Востоком. Это особое, срединное ее положение всегда привлекало внимание русских мыслителей, философов, писателей, политиков, вызывало споры, которые продолжаются и в наши дни. Как сказал поддержанный Пушкиным И.Киреевский, «у нас есть Надежда и Мысль о великом назначении нашего отечества!»⁵. Каково место России в мировом сообществе, чем определяется ее историческая судьба? Ломоносов и Карамзин, Чаадаев и Тютчев, Киреевский и Хомяков, Гоголь и Достоевский, Вл.Соловьев и К.Леонтьев и конечно же Пушкин задумывались над прошлым, настоящим и будущим России.

В этих раздумьях, как правило, возникала идея мессианской роли России в мировом сообществе. Истоки этой идеи берут начало в размышлениях о национальном характере русского человека. В.Кожин убедительно сопоставил суждения на этот счет и Киреевского, и Достоевского. По мнению И.Киреевского, «западный» человек, «говоря вообще, почти всегда доволен своим нравственным состоянием; почти каждый из европейцев всегда готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его всегда спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми... Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки... даже в самые страстные минуты увлечения всегда готов осознать его нравственную незаконность»⁶. Как бы продолжая эту мысль, Ф.Достоевский писал: «Пусть в нашем народе зверство и грех, но вот, что в нем неоспоримо: это именно то, что он в своем целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности), никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду!»⁷. Эта черта русского характера находит яркое воплощение в русской классиче-



Иван Васильевич Киреевский
(1806–1856)
русский религиозный философ,
литературный критик и публицист,
один из главных теоретиков славянофильства

¹ Хачатурян В. Культура Евразии. Этнос и генетика // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1997. С. 98.

² Там же. С. 97.

³ Бицилли П.М. Поэзия Пушкина. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 449–452.

⁴ Франк С. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 409.

⁵ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 78.

⁶ Там же. С. 288.

⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 152.

ской литературе, получившей широкое признание во многих странах Востока, оказавшей большое влияние на становление в них своих национальных литератур.

Мысли выдающихся деятелей мировой культуры приобретают особую актуальность в наши дни, когда в поисках путей нравственного оздоровления люди во многих странах обращаются к традиционным духовным ценностям Востока. Тогда мы и не подозревали, сколь значимы будут для России в недалеком будущем обращение к традиционным ценностям Востока в органическом единстве с западными культурными ценностями. Между тем, идея эта постепенно осознается в России с середины XIX в. прежде всего славянофилами; ее развивал В.Стасов, яркое воплощение она нашла в музыке Н.Римского-Корсакова, на полотнах Н.Рериха, в поэзии «серебряного века» и т.д. В литературоведении, искусствознании, в философии ведутся дискуссии о духовности, о национальной самобытности, о характере и роли традиционализма, о роли и значении культуры стран Востока в мировом культурном развитии.

В 1970 г. ушел из жизни Николай Иосифович Конрад. Некоторые его ученики и последователи, в том числе и я, пытались после его кончины организовать дискуссию по широкому кругу вопросов его научного наследия. Участвуя в дискуссиях по вопросам восточно-западного синтеза в культуре России, я зачастую задаю себе вопрос: почему Конрад в своих исследованиях в поисках восточно-западного синтеза в мировой культуре не касался проблем русской культуры? А если и касался, то нигде словом не обмолвился о взглядах евразийцев, которые перекликались с его научными концепциями. Думаю, прежде всего потому, что в годы советской власти это направление русской общественной мысли в нашей стране находилось под строгим запретом. Известно, сколько пришлось претерпеть Л.Гумилеву, обращавшемуся к их идеям.



Пётр Николаевич Савицкий (1895–1968), русский географ, экономист, геополитик, культуролог, философ, поэт, общественный деятель, один из лидеров евразийства;

Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1937), выдающийся русский лингвист, философ и публицист евразийского направления;

Пётр Петрович Сувчинский (1892–1985), русский музыкант, музыкальный критик и организатор, публицист, входивший в круг евразийцев

здают впечатление единой историко-философской концепции. Как одно из направлений русской эмигрантской мысли 1920–1930-х годов евразийство выражало стремление осмыслить катастрофичность происходящего, «великую смуту», крушение России и воссоздание на ее месте нового государства, основанного на чуждой им идеологии. Считая, что новое государственное образование будет недолговечным, и задумываясь о будущем родины, они пытались осознать и обосновать историческое единство народов, населявших территории бывшей России, после ее распада вошедших в состав СССР.

Сейчас мы видим, каким актуальным оказалось их предвидение, какую богатую пищу для размышлений дают нам споры, которые велись в российской эмиграции вокруг идей евразийства, какой большой научный и общественный интерес вызывают они сегодня у всех тех, кто ищет ответ на вопросы о судьбах России и всех государств, образовавшихся на месте бывшего Советского Союза.

В чем они были правы и в чем ошибались? Где и как их суждения перекликаются с нынешней реальностью? Что и как может быть использовано сегодня из наследия евразийцев? Не ставя задачи ответить на все эти вопросы, ограничусь лишь некоторыми соображениями, представляя возможность читателям и самим задуматься над ними, над тем, как соотносятся взгляды евразийцев с теми или иными идеями и доктринами, бытующими в современной общественно-политической жизни.

Вопросы взаимодействия культур Востока и Запада находились в центре внимания евразийцев – Н.Трубецкого, Г.Флоровского, Л.Кар-савина, П.Савицкого, П.Сувчинского, А.Кар-гашева, Г.Вернадского, М.Шахматова, В.Ники-тина, П.Бицилли, С.Пушкарева, других русских ученых и мыслителей, оказавшихся после Октябрьской революции в эмиграции. Замечу, что термин «Евразия» впервые введен Э.Зюс-сом в 1883 г. (П.Савицкий считал, что он заимствован у А.Гумбольдта) для обозначения геологической монолитности, географической нерасчлененности двух континентов. В творчестве евразийцев в этот термин вкладывается иной смысл.

Евразийцы не были едины в своих взглядах на русскую культуру, однако наличие среди них ученых разных специальностей – философов, богословов, историков, филологов, этнографов, экономистов, географов, искусствоведов – позволяло рассматривать ее комплексно. Их деятельность, происходившая на стыке различных наук, в постоянных спорах и дискуссиях, оказалась весьма плодотворной. Они оставили заметный след в развитии науки и общественной мысли российского зарубежья. Несмотря на все различия во взглядах и подходах, на все жанровое разнообразие, их работы со-

В отличие от многих эмигрантов, евразийцы не искали выхода из тупика на путях возврата к прошлому, в восстановлении идеализированной дореволюционной России, а пытались найти новые пути ее развития.

Большое значение в их воззрениях имеет, прежде всего, сама постановка вопроса «Россия-Евразия», объяснение предназначения России быть Евразией, анализ объективных корней и исторического опыта евразийской общности. «Евразия не может быть ни Европой, ни Азией, это положение, вытекающее из всей совокупности нашего географического, этнического, культурного и политического развития, мне кажется очевидным и доказательств не требующим», – писал В.Никитин¹.

Отмечая слияние культурных ценностей Востока и Запада как отличительную особенность российской культуры, евразийцы вместе с тем отделяли Россию от Европы. В отрицании плодотворности для России усвоения европейского опыта, в осознании «русского культурного своеобразия», по словам П.Савицкого, евразийцы имеют предшественников, как отмечалось выше, прежде всего славянофилов. «Открывающаяся перед Россией возможность стать средоточием новой европейско-азиатской (евразийской) культуры величайшего исторического значения, которая в полной наглядности и силе ощущается евразийцами, в такой мере и в такой форме не ощущалась славянофилами, – замечает П.Савицкий. – Причина этому, между прочим, – в определенных чертах историсофской концепции славянофильства. Это качество русской культуры евразийцы отнюдь не считают проявлением слабости или низкого качества русской культуры, как это делают некоторые западные ругатели России, склонные говорить об «азиатскости» русской культуры. Наоборот, в этом качестве русской культуры евразийцы видят основание того, что Россия находила и найдет *синтетическое решение*, которое удовлетворит и даст основу для жизни не только русскому, но и ряду других окружающих его народов. Поэтому-то евразийцы и ожидают наступления в рассматриваемой ими исторической среде *нового века евразийской культуры*, как культуры синтетической, в создании которой Россия будет играть основополагающую роль – в отличие от славянофилов, которые упирали на «славянство» как на то начало, которым определяется культурно-историческое своеобразие России, то есть они явно брались защищать труднозащитимые позиции... Формула «евразийства» учитывает невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие России преимущественным обращением к понятию «славянства». Она указывает на сочетание в русской культуре европейских и «азиатско-азиатских» элементов»².

В своей книге «Европа и человечество» (1920), открывающей евразийство как идейное течение, Н.Трубецкой подвергает сомнению представления о благотворности влияния Западной Европы на мир, о цивилизаторской миссии европейцев. Он считает губительным для России слепо во всем следовать за Западом. По его мнению, восприятие наступающей на мир культуры романо-германских народов опасно для других этносов уже потому, что лишает их веры в ценностное достояние собственной культуры, как это происходило и с Россией.

Таким образом, проблему культурного взаимодействия России с Европой евразийцы рассматривали односторонне, подчеркивая его негативные и игнорируя позитивные последствия. Конечно же, они не могли полностью отрицать влияние Европы на Россию, но в основном сводили его к просветительно-материалистическо-атеистической линии в русской культуре.

Евразийцы считали, что прошлое, настоящее и будущее России больше определяется связями с Востоком, чем с Западом. Не случайно первый сборник их работ, вышедший в свет в 1921 г. в Софии, называется «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». Восток вошел в нас неотъемлемым элементом, одним из основных слагаемых нашего духовного типа, писал В.Никитин. В то же время в своем письме В.Иванову, с точки зрения В.Никитина, преувеличивавшему роль Востока в культуре России, он замечает: «Понятие "Азия" многосложно и отнюдь не всеми своими гранями совпадает с понятием "Россия". Было бы ошибочно, отвернувшись совершенно от Запада, вновь вернуться на Восток, откуда мы пришли...»³.

Водораздел между Россией, Западом и Востоком у евразийцев прежде всего в области религии. Они отрицали как выдвинутую Вл.Соловьевым идею духовного единения России с Европой, создания единой христианской цивилизации, мирового соборного единства, так и различного рода сопоставления христианства с религиями народов Востока, отрицали какую-либо возможность влияния Востока на Россию в религиозной сфере. Противопоставляя Россию и «материалистической культуре» Запада, и «мистическому Востоку», они считали, что спасти русскую культуру можно, лишь обращаясь к ее истокам, признавали лишь христианскую систему ценностей. По их мнению, творческая миссия России заключается в «приобщении Европы и Азии к началам подлинной жизни».

Ключевой статьей сборника является работа выдающегося русского ученого-гуманитария Николая Сергеевича Трубецкого «Об истинном и ложном национализме». Этой статье предшествовала его книга «Европа и человечество», изданная в 1920 г. в Софии. Труды Трубецкого заложили основы теории евразийства как нового течения в русской общественной мысли, по его словам, потребовавшего полного переворота в сознании русской интеллигенции.

¹ Никитин В. Переписка с «азиатом» В.Ивановым (автором «Мы») // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 77.

² Савицкий П. Евразийство // ЦГАРФ. Ф. П.Н.Савицкого. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 29.

³ Никитин В. Переписка с «азиатом» В.Ивановым... С. 78.

В этих трудах нельзя не заметить переклички с дискуссиями, которые в настоящее время ведутся вокруг проблемы «глобализации», только размышления русского ученого о «романо-германцах» сегодня смещаются в сторону американцев – главных носителей идей глобализации. «Романо-германцы» же, против которых направлена острая критика Трубецкого, как и другие народы современного мира, настороженно относятся к угрозе обретения безликости, унификации, унылому однообразию национальных культур, потере их национальной самобытности. Бездумно проводящаяся глобализация создает также реальную опасность широкого распространения информационных технологий, связанных со снижением ответственности управляющих систем, усилением технологического разрыва между развитыми и развивающимися странами.

В трудах евразийцев проблема взаимосвязей и взаимодействия культур не ставится во всей широте, поскольку, с их точки зрения, идея универсальности противоречила, как правило, сохранению индивидуальности культуры. Однако в своих исследованиях евразийской культуры они замечали, что, как писал П.М.Бицилли, «слишком уж много в нашем распоряжении фактов, говорящих о развитии и на Западе, и на Востоке также и *общих*, а не борющихся начал»¹. По его словам, «современная наука выдвигает необходимость сравнительного изучения философии христианской – западной и восточной, иудейской и мусульманской, ибо здесь перед нами – одно и тоже идейное явление, три рукава одного потока»². И далее: «Россия не только посредница в культурном обмене между отдельными азиатскими окраинами. Вернее – она меньше всего посредница. В ней творчески осуществляется синтез восточных и западных культур...»³.

Евразийцы считали решающим фактором культурного прогресса на огромных пространствах России-Евразии сильную государственную власть. Они горячо поддерживали идею евразийского государственного единства, подчеркивая при этом, что его формы, для предупреждения распада государства, должны иметь достаточную гибкость, соответствовать не только общим целям, но также и местным нуждам. Государства, охватывающие собой сколько-нибудь значительные территории Евразии, имеют общие черты внутреннего политического строя, освоение больших пространств, причем пространств степных и лесостепных – требуют крепкой государственной организации, сильной и жесткой правительственной власти. Только исключительно крепкая государственность в течение веков могла держаться в Евразии на сколько-нибудь значительном ее пространстве.

Устойчивая евразийская форма государства и власти – форма великой империи. Таковы были державы скифская, гуннская, монгольская, таково Московское царство и Всероссийская империя. Крепка и жизненна евразийская держава, оказывалась однако, только тогда, когда правящая верхушка не отрывалась от народа и внутренние подпочвенные воды питали власть⁴.

Евразийцы не могли игнорировать вопрос о межнациональных отношениях. Касаясь его, П.Савицкий замечал: «Недаром над Евразией веет дух своеобразного "братства народов", имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас, от германской (крымские готы) и славянской – до тунгусско-манчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это "братство народов" выражается в том, что здесь нет противоположения "высших" и "низших" рас, что взаимные притяжения тут сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается "*воля к общему делу*"»⁵. По его словам, «западничество», требовавшее от русских, чтобы они ощущали себя «европейцами» и трактовали другие евразийские народы как «азиатов» и «низшую расу», не приводило Россию ни к чему, кроме бедствий. П.Савицкий выражает надежду, «что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании и что последние русские «европеизма», еще укрывающиеся в эмиграции, лишены всякого исторического значения»⁶. Увы, надежды русского ученого не оправдались: «последыши» русского «европеизма» сегодня, к сожалению, нередкое явление в нашей стране, и они продолжают действовать далеко не в ее государственных интересах...

Евразийцы недооценивали и угрозу существованию Евразии со стороны деструктивных националистических сил. Они считали противоестественными для Евразии, губительным для ее народов различные проявления националистических амбиций, сепаратизма. «В Европе и Азии временами бывало возможно жить *только* интересами своей колокольни. В Евразии это, если и удается, то в историческом смысле на чрезвычайно короткий срок», – отмечал П.Савицкий⁷.

Евразийство как идейно-философское течение было весьма неоднородным и противоречивым. Оно по-разному оценивалось в свое время, неоднозначно оценивается и сейчас. Но все, кому дорога судьба народов России, других государств бывшего СССР, не могут не интересоваться идеями евразийцев. В предисловии к сборнику «Исход к Востоку» они провозглашали: «Вместе с Герценом мы чувствуем, что "история толкается именно в наши ворота"... для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую природу, как раскрывали ее величайшие народы

¹ Бицилли П.М. «Восток и Запад» в истории Старого Света. С. 86.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 90.

⁴ Вернадский Г. Начертание русской истории. Цит. по: Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. С. 106, 107.

⁵ Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства. Цит. по: Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. С. 117, 118.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 117.

прошлого и настоящего»¹.

Нам сегодня особенно близка вера евразийцев в будущее России как единого многонационального государства, основанного на историко-культурной общности населяющих его народов. Каким бы ни было государственное устройство в нашей стране, русская культура во многом будет сохранять центрообразующее место, и от ее состояния во многом будет зависеть как оптимистические, так и пессимистические прогнозы нашей жизни, нашего государственного развития. «В Евразии *не было наций*, до образования *русской* нации, и *русская* не свалилась в Евразию в готовом виде с какого-то другого полушария, а образовалась тут же, в самом процессе расселения и скрещения издревле обитавших в Евразии народов, – отмечал П.М.Бицилли, – ...ясно, что *русская нация* и пространственно и духовно есть нечто неизмеримо более широкое и многообразное, нежели ее этнический субстрат – *великорусская народность*... И когда против равнодушных и нежизненных идей «единой неделимой России» и «самоопределения народов» по диалектологическим признакам евразийцы выдвигают, с одной стороны, идею единства русской нации, с другой – идею *федерации* евразийских земель и евразийских народностей, то это свидетельствует об их чутье исторической реальности, и эта сторона евразийства заслуживает величайшего внимания»². К сожалению, вокруг евразийской идеи в настоящее время существует много различного рода спекуляций. Разделяющих эту точку зрения пытаются обвинить в «русском национализме». Именно поэтому взгляды евразийцев, других направлений русской общественной мысли могут способствовать оздоровлению нашего общества, утверждению в нем нравственных устоев и национальных основ.

Вряд ли можно согласиться с теми, кто утверждает, что идеи евразийцев представляют интерес лишь для специалистов по «послеоктябрьской эмиграции». Они живы и актуальны сегодня, продолжают привлекать внимание ученых, волновать общественность. Плодотворное развитие они находят, например, в трудах Л.Гумилева, рассматривавшего процесс формирования этнокультурной общности «на внутренней части континента, в основном между Карпатами и Маньчжурией», которую он называет Евразией.

Л.Гумилев оказался отнюдь не «последним евразийцем». Идеи евразийства проявляют поразительную устойчивость. Дискуссии по евразийской проблеме обостряются с неслучайным постоянством. В начале нового века мы становимся свидетелями нового столкновения взглядов как среди самих евразийцев, так и между противниками и сторонниками евразийской идеи.

Говоря о последователях и активных сторонниках евразийского проекта для России, я хотел бы подчеркнуть тот вклад в его разработку, который внес уже ушедший из жизни мой давний коллега и товарищ, известный отечественный культуролог Борис Сергеевич Ерасов. Он был глубоким исследователем и страстным пропагандистом принципов евразийства. В 90-е годы XX в. им были подготовлены четыре фундаментальных коллективных труда, в значительной степени посвященных именно евразийской проблематике. Общее название этих трудов и подзаголовки выпусков красноречиво обрисовывают ту теоретическую ориентацию, которой следовал сам Б.Ерасов и привлеченные им к сотрудничеству исследователи. Общее название книг – «Цивилизации и культуры». Первый выпуск имел подзаголовок «Россия и Восток: цивилизационные отношения», третий – «Геополитика и цивилизационные отношения». Сам Борис Ерасов для этих изданий написал такие прекрасные работы, как «Выбор России в евразийском пространстве», «Этническое – национальное – цивилизационное в пространстве Евразии», «Цивилизационная теория и евразийские исследования», «О геополитическом и цивилизационном устройстве Евразии».

Незадолго до своей кончины Б.Ерасов опубликовал принципиально важную статью. В ней он утверждал, что глобализация представляет собой сложный, дифференцированный и противоречивый процесс, который вопреки мнению некоторых ученых не устраняет плюрализм цивилизаций. Этот процесс ведет к новой структурной дифференциации мира, видоизменяет его плюрализм и картину взаимодействия культур. «Россия, – утверждал Б.Ерасов, – представляет собой явление... малодоступное пониманию по аналогии с другими обществами... слабость ценностей и смысловой структуры российской цивилизации, ее неорганичность, наличие многих гетерогенных начал – культурных, конфессиональных, этнических, исторических, территориальных, отсутствие сложившегося срединного начала и огромная дистанция от высокой до низкой культуры в духовном поле. На протяжении многих веков Россия так и не преодолела этой разнородности и противостояния разных ценностей, смыслов и мировоззрений. Именно государство выступало здесь заменой цивилизационного устройства, объединяющим, регулирующим и направляющим началом. Но это было государство, располагавшее своим кредо, своей идеологией и идеей. В ходе ускоренной ликвидации прежнего косного режима, действительно сковывавшего развитие общества, были попутно подорваны и основания цивилизации, вызревавшей в России. В разрушенном пространстве утверждается хаос, в условиях которого криминал становится неизбежным сопутствующим и "прогрессирующим" моментом». Ученый полагал, что предстоит постепенная трансформация мировой цивилизационной структуры и создание «более человеческого мира»³. В этой новой структуре евразийской цивилизации в России, по мысли Б.Ерасова, предназначено играть весьма значительную роль.

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. IV.

² Бицилли П.М. «Восток и Запад» в истории Старого Света. С. 90.

³ Ерасов Б. Унификация мира. глобализация подрывает жизнеспособность незападных цивилизационных структур // Независимая газета. 2001. 14 марта.

Ныне, когда широко обсуждаются, переосмысливаются кардинальные проблемы развития нашей страны после Октябрьской революции, вряд ли разумно и дальновидно, поддаваясь националистической эйфории, игнорировать ту человеческую общность, которая веками складывалась в России. Речь, конечно же, идет не об «империи» и различного рода спекуляциях вокруг этого понятия, а о реально существующей общности между народами, неразрывно связанными историческими судьбами, жизненно важными экономическими интересами. Эта общность проявилась, в частности, в создании и развитии многонациональной советской культуры. Такое название может нравиться или не нравиться, но эта культура реально существовала более 70 лет. Даже русские ученые-эмигранты, называвшие себя евразийцами, признавали факт возникновения в советской России новой культуры. Отрицать сей факт бессмысленно – ведь из песни слова не выкинешь. Тем не менее у нас звучали призывы «отбросить», «закрыть» советскую литературу, объявить ее кончину и справиться по ней «поминки».

Сейчас много говорят и пишут о возрождении и обновлении России, но, видимо, правильнее говорить о необходимости «выздоровления» – и не только тяжело больной России, но и всех стран Содружества Независимых Государств. Если такое название кто-то предложил по аналогии с английским «Commonwealth», что в буквальном переводе на русский язык означает «общее благосостояние, изобилие, богатство», то вряд ли оно соответствует нынешнему положению миллионов людей и в России, и в так называемом «ближнем зарубежье» (едва ли это – самое удачное наименование составных частей бывшего единого государства, граждане которого столетиями жили вместе, вместе делили и радости и печали, в лихолетье вместе брались за оружие, чтобы защитить Родину от общего врага). Не логичнее и разумнее было бы именовать сохраняющиеся и, я надеюсь, укрепляющиеся связи между собой государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, Конфедерацией, а может быть в будущем Федерацией государств Евразии? Ведь название абсолютно всех стран и объединений государств мира связано с их географическим местонахождением. Почему же мы должны быть исключением?

Когда я говорю об этом, я имею в виду те составные части бывшего СССР, где живут многие миллионы людей, которые вопреки националистическим амбициям их сегодняшних руководителей ощущают чувства исторической общности всех наших народов, независимо от их национальной принадлежности. Не нынешние недалевидные политики, а вся наша многовековая евразийская культура в конечном счете должна будет дать ответ на вызов времени, правильно расставить акценты. «Нет, видимо, более прав летописец XIII в., с болью в сердце констатировавший естественный развал Русской земли, как ее упадок, чем академик XX в., желающий видеть во всем только прогресс», – размышлял о далеком нашем прошлом Л.Гумилев¹. Куда мудрее и дальновиднее многих современных «радетелей» за судьбы России был П.Савицкий, заявлявший, что будущее России есть евразийское будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский И. Проблемы востоковедения. М., 1974.
2. Бицилли П.М. «Восток и Запад» в истории Старого света // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996.
3. Бицилли П. Поэзия Пушкина. Избранные труды по филологии. М., 1996.
4. Вернадский Г. Начертание русской истории // Евразия. Народы. Культура. Религия. 1997. № 1–2.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
6. Зайцев Б. Слово о Родине // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. 1.
7. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.
8. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
9. Ключевский В. Сочинения: В 9 т. М., 1988.
10. Михайлов А. Поэзия «Западно-Восточного дивана» в русских переводах // Иоганн Вольфганг Гете. Западно-Восточный диван. М., 1988.
11. Никитин В. Переписка с «азиатом» В. Ивановым (автором «Мы») // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
12. Савицкий П. Евразийство // Русская идея. В 2-х томах. Т. 1. М., 1994.
13. Савицкий П. Евразийство // ЦГАРФ. Ф. П.Н.Савицкого. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 29.
14. Трубецкой Н. Мы и другие. Русский узел евразийства. М., 1997.
15. Франк С. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
16. Франк С. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
17. Хачатурян В. Культура Евразии. Этнос и генетика // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1997.
18. Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М.Гершензона. М., 1913–1914. Т. 2.

¹ Цит. по: Евразия. Народы. Культуры. Религии. 1993. № 1. С. 39.